

Кашанский Роман Сергеевич

**ТОЛКОВАНИЕ ПРАВОВЫХ ОГОВОРОВ
(ОБЩЕТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)**

12.00.01 – теория и история права и государства;
история учений о праве и государстве

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата юридических наук

Саратов – 2021

Работа выполнена в Федеральном государственном бюджетном образовательном учреждении высшего образования «Саратовская государственная юридическая академия»

Научный руководитель – Белоусов Сергей Александрович
доктор юридических наук, доцент

Официальные оппоненты: доктор юридических наук, профессор,
заведующий кафедрой теории и истории
государства и права ФГАОУ ВО «Южный
федеральный университет»
Овчинников Алексей Игоревич

доктор юридических наук, доцент,
заведующий кафедрой гражданского права
и процесса Поволжского института им.
П.А. Столыпина – филиала ФГБОУ ВО
«Российская академия народного хозяйства и
государственной службы при Президенте
Российской Федерации»
Милушева Татьяна Владимировна

Ведущая организация: **ФГАОУ ВО «Волгоградский государственный университет» (Институт права)**

Защита состоится «21» июня 2021 года в 14 часов 00 минут на заседании диссертационного совета Д 212.239.02 при ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия» по адресу: 410056, г. Саратов, ул. Чернышевского, 104, зал заседаний диссертационных советов.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке и на сайте <http://ssla.ru> ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия».

Автореферат разослан «20» апреля 2021 года.

Учёный секретарь
диссертационного совета,
кандидат юридических наук,
доцент

В.В. Нырков

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Дифференциация нормативных предписаний в системе российского права не только не ослабевает как важнейшая тенденция ее развития, а, напротив, в последние годы лишь усиливается. Этому способствует как продолжающееся активное внедрение новых информационных технологий в общественные отношения, подлежащие правовому регулированию, так и непрекращающееся политические, экономические и социально-культурные преобразования в жизни российского общества. В этой связи заметно повышается роль оговорок в качестве специальных нормативных правовых предписаний, поскольку именно с их помощью осуществляется учет в правовом регулировании особых исключительных случаев и ситуаций, требующих иной юридической регламентации.

Оговорки достаточно широко используются законодателем в различных отраслях российского права. Наибольшее распространение в последние годы получили такие виды правовых оговорок как: оговорка о публичном порядке, оговорка неизменности обстоятельств, оговорка о режиме наибольшего благоприятствования, оговорка о сохранении права собственности, арбитражная (третейская), асимметричная (гибридная), валютная, исключительная, антикоррупционная, стабилизационная, зонтичная, медиативная, налоговая, патентная, санкционная и др. Однако их обилие в системе законодательства и договорной практике создает ряд дополнительных трудностей в толковании и применении права.

Неотъемлемым свойством права выступает его системность, предопределяющая во многом необходимость в надлежащем толковании норм права, которые применяются и иным образом реализуются на практике не изолированно друг от друга, а во взаимосвязи, в их кооперации. В современных условиях специализация российского законодательства и дифференциация правового регулирования выходят на качественный иной уровень, что объективно приводит к дальнейшему существенному усложнению генетических, предметных и функциональных связей между нормативными правовыми предписаниями. Появление новых видов норм права, трансформация уже существующих, отпадение одних связей и появление других в структуре и содержании права с необходимостью требуют адекватной адаптации и техники их толкования.

Учение о толковании права не может оставаться неизменным ввиду перманентного движения и развития самой нормативной правовой материи. При этом следует отметить возрастание значения правовых оговорок для функционирования и эволюции как внутринационального, так и международного права. Последние, будучи специальными нормативными предписаниями, средством и результатом дифференциации права, характеризуются множественными связями с общими и иными нормами, обеспечивая тем самым не только большую гибкость правового регулирования, но и вызывая одновременно потребность в дальнейшем развитии техники и технологии

правоинтерпретационной деятельности по обеспечению надлежащего их истолкования.

Игнорирование в юридической науке и практике особых функциональных связей между оговорками и общими предписаниями как права, так и договора, чревато существенными нарушениями в правоинтерпретационном процессе от неточного в части до в корне неверного понимания толкуемых правовых норм. Оговорка, устанавливающая изъятие или иным образом изменяющая действие общего нормативного правового предписания или положения договора, в российской и международной правоинтерпретационной практике зачастую выступает специфическим относительно самостоятельным объектом толкования. Отмеченное обстоятельство, подтверждается, в первую очередь, повышенным вниманием к толкованию правовых оговорок со стороны высших судебных инстанций Российского государства¹, международных судов и квазисудебных органов².

¹ См., например: Постановление Конституционного Суда РФ от 26.05.2011 г. № 10-П "По делу о проверке конституционности положений пункта 1 статьи 11 Гражданского кодекса Российской Федерации, пункта 2 статьи 1 Федерального закона "О третейских судах в Российской Федерации", статьи 28 Федерального закона "О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним", пункта 1 статьи 33 и статьи 51 Федерального закона "Об ипотеке (залоге недвижимости)" в связи с запросом Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации" // Текст постановления размещен на сайте Конституционного Суда РФ в сети Internet (<http://www.ksrf.ru>) (дата обращения 10.10.2020 г.); Определение Конституционного Суда РФ от 04.10.2012 г. № 1831-О "По запросу Приморского районного суда города Санкт-Петербурга о проверке конституционности абзаца шестого статьи 222 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации во взаимосвязи с положениями пункта 1 статьи 16, пунктов 1 и 2 статьи 17 Закона Российской Федерации "О защите прав потребителей" и пункта 2 статьи 1 Федерального закона "О третейских судах в Российской Федерации" // СПС «КонсультантПлюс»; Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24.03.2016 г. № 7 "О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств" // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2016. № 5; Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 г. № 25 "О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации" // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2015. Август. № 8; Информационное письмо Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 26.02.2013 г. № 156 «Обзор практики рассмотрения арбитражными судами дел о применении оговорки о публичном порядке как основания отказа в признании и приведении в исполнение иностранных судебных и арбитражных решений» // СПС "КонсультантПлюс" и др.

² См.: International Court of Justice. Reservations to the Convention on the Prevention and Punishment of the Crime of Genocide. Advisory Opinion // I.C.J. Reports. 1951; The Court of Arbitration. Case Concerning the Delimitation of the Continental Shelf between the United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland and the French Republic. Decision of 30 June 1977; European Court of Human Rights. Belilos v. Switzerland. Application no. 10328/83. Judgment of 29 April 1988; European Court of Human Rights. Loizidou v. Turkey. Application no. 15318/89. Judgment of 23 March 1995; Inter-American Court of Human Rights. Hilaire v. Trinidad and Tobago (Preliminary Objections). Judgment of 1 September 2001; International Court of Justice. Armed Activities on the Territory of the Congo (New Application: 2002) (Democratic Republic of the Congo v. Rwanda). Judgment of 3 February 2006 // I.C.J. Reports 2006 и др.

Правовые оговорки используются правотворческими субъектами и участниками договорной практики практически с самого момента зарождения права и по настоящее время. Однако они не утрачивают свою значимость спустя столь продолжительное время и даже, напротив, приобретают все большее и большее распространение в различных режимах правового регулирования. Следует признать, что вряд ли оправданно рассматривать оговорки в качестве устаревшего средства в составе казуистического способа изложения предписаний, доминировавшего в ранние периоды становления права. Верным является утверждение, согласно которому оговорка есть «...закономерное следствие развития права, своего рода – естественная трансформация элементов правовой действительности в нормы права, ... закономерное проявление усложнения правовой регуляции, один из способов отражения (а может быть и информационного упрощения) этой сложности»¹.

Исследование вопросов понятия, природы, специфики законодательного оформления оговорок в праве и установления их в договоре, а равно техники толкования данного вида специальных правовых предписаний актуализируется целым рядом обстоятельств.

Во-первых, в практическом плане нарушение баланса общих предписаний и норм-оговорок создает потенциальную опасность в нейтрализации действия основополагающих начал права, может привести к его системной дезорганизации и эффекту законодательного дисбаланса. Чрезмерное увлечение оговорками в правотворческой деятельности чревато возникновением существенных негативных последствий от повышенной коллизионности норм права до избыточности нормативной правовой информации, излишнего усложнения структуры и системных связей в праве. Данное обстоятельство актуализирует исследование проблемы пределов использования оговорок в праве и договорной практике, а также вопросы злоупотребления правом на заявление оговорок к договору. Ситуация осложняется отсутствием четко определенных критериев допустимости и действительности правовых оговорок как в российском, так и в международном праве.

Отдельно можно выделить и такую негативную черту правовых оговорок в случае нарушения пределов их применения как нейтрализация действия закона. Посредством конкретизирующих оговорок в подзаконных нормативных правовых акта возможно создание ситуации, при которой фактически парализуется действие общих предписаний закона, либо существенно изменяется порядок его действия, либо значимо трансформируется его содержательная сторона. Одновременно достаточно сложно определить в ходе толкования избыточных оговорок подлинное смысловое значение норм права или положений договора.

Во-вторых, именно надлежащее толкование правовых оговорок в системной связи с иными нормами права и положениями договора выступает необходимой гарантией их правильного применения и обеспечения сбалансированности между

¹ Шутак И.Д. Оговорки в праве (теоретический и историко-правовой анализ). Дис. ... докт. юрид. наук. СПб., 1999. С. 50.

двумя противоположными тенденциями в развитии российского законодательства в виде, с одной стороны интеграции норм права, а, с другой, – дальнейшей их дифференциации на все новые и новые виды и подвиды. Обе отмеченные тенденции жизненно необходимы для дальнейшего развития права и договорной практики. В случае же смещения баланса в пользу одной из тенденций в правовом развитии общества правоинтерпретационная практика призвана скорректировать подобное отклонение.

В-третьих, на практике в целом ряде случаев не удается достичь единообразия в интерпретации и применении правовых оговорок, что негативно отражается на эффективности правового регулирования общественных отношений. Одним из важнейших факторов детерминации отмеченной ситуации выступает несовершенство самой правоинтерпретационной техники и (или) непрофессиональное использование ее приемов, средств и способов в отношении установления действительного смысла оговариваемых нормативных правовых предписаний или соответствующих положений договора. Сопутствующим обстоятельством, дополнительно вызывающим дезорганизацию практики толкования правовых оговорок, является недостаточное внимание отечественной юридической науки к проблемам их общетеоретического понимания, специфики функциональных связей с общими нормами права, использования оговорок в качестве относительно самостоятельного инструмента юридической техники.

В-четвертых, именно высшие судебные инстанции как ведущие субъекты толкования правовых оговорок содействуют обеспечению единства их понимания и применения на всей территории государства. Конституционный Суд РФ и Верховный Суд РФ наряду с этим осуществляют задачи по надлежащему толкованию оговорок в международных договорах, одной из сторон которых выступает Российская Федерация, что особенно актуально в современных условиях непрекращающегося, одновременно усиливающегося «санкционного» давления на отечественное государство в сложной геополитической обстановке. В этих целях юридическая наука призвана разрабатывать теоретические основы техники толкования правовых оговорок, определять пределы судебного усмотрения в их интерпретации, анализировать типичные ошибки такого рода толкования и предлагать различные варианты их предотвращения и устранения на практике.

Вышеизложенные доводы предопределяют выбор заявленной темы исследования в качестве теоретически и практически значимой, всестороннее раскрытие которой позволит уточнить ряд положений и восполнить отдельные пробелы общей теории права в отношении такого специфического предмета правоинтерпретации как оговорка.

Степень разработанности темы исследования. В отечественной юридической науке дореволюционного периода вопросы толкования права в целом достаточно тщательно были проработаны в трудах выдающих российских правоведов: Е.В. Васьковского, Н.А. Гредескула, И.А. Ильина, Н.М. Коркунова,

И.В. Михайловского, С.А. Муромцева, И.А. Покровского, Е.Н. Трубецкого, В.М. Хвостова, Г.Ф. Шершеневича и др.

В советской юридической литературе проблемы толкования права не только не остались без внимания, но и претерпели творческое дальнейшее развитие с особой тщательностью благодаря усилиям таких широко известных ученых-юристов, как: С.С. Алексеева, Н.Н. Вопленко, И.Я. Дюрягина, А.С. Пиголкина, В.В. Лазарева, П.Е. Недбайло, А.Ф. Черданцева и др.

В зарубежной юриспруденции общее понимание толкования права, его природы и социально-правовой ценности нашло отражение в работах известных и в России авторов: Ж.-Л. Бержеля, Е. Врублевски, Р. Иеринга, Р. Дворкина и др.

Оговорка в качестве предмета общетеоретического исследования права долгое время не привлекала требуемого внимания. В теорию права понятие «оговорка» было введено не так давно. Инициатором данной понятийной новации можно рассматривать В.М. Баранова, предложившего трактовать оговорку как специфическое средство юридической техники, заслуживающее специального исследования¹. Далее в 90-е годы И.Д. Шутак подверг комплексному общетеоретическому исследованию оговорки, продемонстрировав их место и роль в системе юридической техники². В последующем можно обнаружить лишь единичные случаи обращения теоретиков права на уровне статей в периодических изданиях к проблемам оговорок³.

В отраслевых юридических науках правовые оговорки были проанализированы под разными углами зрения более тщательно и в существенно большем количестве специальных исследований. В частности, в теории международного права оговоркам и особенностям их толкования посвящены работы В.Ф. Губина, В.Н. Дурденевского, И.И. Лукашука, В.В. Колесник, Ю.Г. Морозовой, С.В. Филлипова, А.А. Юнис и др.

За последние три десятилетия к феномену оговорки в праве и договоре стали также проявлять повышенный интерес представители наук гражданского и гражданского процессуального права, уголовно-процессуального права, налогового права, в числе которых: О.А. Беляева, А.В. Габов, А.И. Дзюба, Р.С. Зардов, Б.П. Карабельников, Н.Н. Ковтун, В.М. Корякин, С.В. Крохалев, В.В. Кудашкин, К.И. Налетов, Л.С. Терентьева, О.Е. Финогентова и многие др.

Накопленный массив отраслевого юридического знания об оговорках в качестве специфического предмета правоинтерпретационной деятельности

¹ См.: Баранов В.М. Истинность норм советского права. Проблемы теории и практики. Саратов, 1989. С. 350.

² См.: Шутак И.Д. Оговорки в законодательстве: Автореф. дисс. ...канд. юрид. наук. СПб., 1994; Он же Оговорки в праве. Дис. ...докт. юрид. наук. СПб., 1999.

³ См.: Латышев Н.В. Цели правовых оговорок // Научный журнал «Апробация». 2016. С. 154-155; Мелешников А.В. Оговорки и отсылки международного права и российского законодательства // Проблемы юридической техники: Сборник статей / Под ред. В.М. Баранова. Н.Новгород, 2000. С. 425-440; Суменков С.Ю. Законодательная оговорка как доминантный способ закрепления исключений из правил // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2017. № 6(119). С. 32 и др.

нуждается в надлежащем критическом изучении, сопоставлении и обобщении именно на общетеоретическом уровне. С момента практически единственной попытки комплексного общетеоретического осмысления оговорок в праве, выполненной И.Д. Шутаком прошло уже более 20 лет. С тех пор российское законодательство претерпело существенные изменения, а оговорки получили в нем и в складывающейся договорной практике значительно большее распространение, обрета иное качественное состояние и особое значение в виде предмета пристального судебного толкования.

Объектом исследования выступают оговорки как специфические относительно самостоятельные предписания права и договора, а также правоинтерпретационная деятельность, сопряженная с уяснением и разъяснением их подлинного смысла и содержания.

Предмет исследования составляют: имеющиеся в юридической науке теоретические представления о понятии, природе и классификации правовых оговорок, о средствах и правилах их изложения и закрепления в праве и договоре; общие и специфические принципы, приемы и способы толкования правовых оговорок; наиболее общие закономерности осуществления правоинтерпретационной деятельности предметом, которой являются оговорки.

Целью исследования является разработка общетеоретических основ понимания оговорок в качестве относительно самостоятельного предмета правоинтерпретационной деятельности, комплексно отражающих их сущностные признаки, функциональную природу, системные связи с другими нормативными правовыми предписаниями, а также раскрывающих особенности техники и технологии их толкования.

Исходя из поставленной цели, основными **задачами исследования** выступают:

- уточнение общетеоретического понятия, сущности и функциональной природы правовых оговорок;
- отграничение понятия «правовая оговорка» от смежных юридических категорий;
- предложение авторской классификации правовых оговорок;
- установление места и роли оговорки в механизме конкретизации права;
- рассмотрение оговорки в качестве специфического предмета правоинтерпретационной деятельности;
- выяснение особенностей принципов, приемов и способов толкования правовых оговорок;
- обобщение знаний, накопленных отраслевыми юридическими науками по вопросам судебного толкования оговорок в праве и договоре;
- критическая оценка складывающейся к настоящему моменту российской и международной правоинтерпретационной практики в отношении правовых оговорок, а также выдвижение предложений по ее дальнейшему совершенствованию.

Методологическая основа исследования. Мировоззренческой платформой в процессе познания многофункциональной природы правовых оговорок избрана материалистическая диалектика, в соответствии с принципами и категориями которой предпринята попытка раскрытия экономической, внутривнутриполитической и геополитической составляющих процесса детерминации установления и применения оговорок в праве и договоре, а также демонстрации в теории их диалектической связи с иными общими и специальными нормативными правовыми предписаниями. В ходе исследования автор опирался на постулаты диалектики в вопросах соотношения и взаимосвязи абстрактного и конкретного, частного и публичного, определенного и неопределенного в процессе толкования правовых оговорок.

В диссертации в комплексе нашли применение общенаучные методы: исторический и логический; системный и функциональный. Особое значение в исследовании отведено формально-юридическому методу в целях доктринального толкования оговорок в российском законодательстве, в международном праве и договорной практике с учетом их разнообразных системных связей с иными правовыми предписаниями. Посредством сравнительно-правового метода проведено сопоставление отдельных видов правовых оговорок в целях уточнения их черт сходства и различия, а также построения научной классификации.

В качестве **теоретической основы** исследования использованы фундаментальные работы в области теории права и специальных отраслевых дисциплин, раскрывающие прямо или опосредовано вопросы понятия, характерных черт, целей и функций правовых оговорок, техники их закрепления в законодательстве и договоре, а также специфики их толкования в судебной и договорной практике. Положения и выводы в диссертации сделаны на основе критического анализа и обобщения знания следующих отраслевых наук: международного, конституционного, уголовного, уголовно-процессуального, гражданского, арбитражно-процессуального права и др.

Нормативную основу исследования составляют: международные договоры; Конституция РФ; кодифицированные и иные федеральные законы; законодательные акты субъектов РФ; локальные нормативные правовые акты. Эмпирическая основа в работе представлена актами официального толкования международных судов и квазисудебных органов, материалами практики Конституционного Суда РФ, Верховного Суда РФ и иных российских судов по вопросам толкования и применения правовых оговорок.

Научная новизна исследования определяется, прежде всего, авторским подходом к рассмотрению сущности и природы оговорок в правоинтерпретационном процессе в качестве особого вида специальных нормативных предписаний, устанавливающих изъятия (или иные ограничения) из действия общих норм права или положений договора, составляющих относительно самостоятельный, специфический предмет толкования. Уточняется двойственная роль оговорок в юридической деятельности. С одной стороны, они

выступают специфическим предметом толкования в качестве разновидности специальных нормативных предписаний и особых положений договоров. С другой стороны, оговорка представляет собой средство юридической техники в случае установления в нормативных правовых актах и договорах связей между общими нормами и специальными правовыми предписаниями.

Предлагаются системно изложенные основы общетеоретической концепции, согласно которым оговорки характеризуются специфическими целями и выполняют для их достижения ряд функций: регулятивно-ограничительную, информационно-корректирующую, защитную и конкретизационную. Данный концептуальный подход позволил обосновать оговорки в качестве самостоятельной разновидности специальных нормативных предписаний, обладающих двухзвенной структурой в виде единства гипотезы и диспозиции, а также уточнить использование оговорки в аспекте правотворческой и правоинтерпретационной техники как нормативно-лексической формы обеспечения связи между общими и специальными нормами в праве.

В диссертации подверглись коррекции доктринальные взгляды по вопросам критериев классификации правовых оговорок, отграничения их от таких схожих правовых явлений, как отсылки, ссылки, нормы-исключения, поправки, заявления и др.

Сделан ряд новых выводов в отношении специфики толкования правовых оговорок, включая определение общих и специальных принципов и приемов их интерпретации, установление ведущих способов толкования оговорок, в числе которых обозначены и проанализированы языковой, систематический, телеологический и историко-политический.

Оговорки характеризуются присутствием преимущественно во всех отраслях российского законодательства, широко их применение в международном праве и индивидуально-договорной практике, что делает невозможным в рамках одного исследования раскрытие всех возможных форм и аспектов использования оговорок в юридической деятельности. В этой связи усилия были сконцентрированы в раскрытии наиболее общих закономерностей установления и толкования правовых оговорок.

На защиту выносятся следующие основные положения:

1. Предлагается определять правовую оговорку в качестве разновидности специальных нормативных правовых предписаний, в содержательном отношении представляющую собой исключение (или ограничение) действия общей нормы права или положения в договоре, а в технико-юридическом аспекте выступающую средством дифференциации и конкретизации как норм права, так и условий договора. Двойственная природа оговорки отражается и на ее дефиниции одновременно в качестве и специального нормативного предписания, и средства юридической техники. Оба аспекта проявления сущности правовой оговорки обосновывается рассматривать в единстве и взаимном дополнении.

В правоинтерпретационной технике оговорка предстает в виде специального нормативного предписания – достаточно сложного предмета

толкования, требующего комплексного и системного подхода в установлении его подлинного содержания и смысловой нагрузки. В рамках же правотворческой техники оговорка являет собой средство обеспечения нормативно-лексической фиксации системно-функциональных связей между общими нормами и нормами-изъятиями в праве.

2. Уточняется телеологическая и функциональная характеристика правовых оговорок. Цели оговорок-предписаний разнообразны, предопределяют их функции, и представлены целями нескольких уровней: первый – цели права в целом, второй – цели специальных нормативных предписаний, разновидностями которых являются оговорки, третий – цели самих оговорок. К последнему уровню относятся а) ограничение действия общей нормы; б) установление иного способа регулирования отношений; в) защита интересов участников правоотношений в условиях риска или необходимости обеспечения установления баланса интересов субъектов права.

Обосновывается целесообразность выделения у правовых оговорок следующих функций: регулятивно-ограничительной, информационно-корректирующей, защитной и правоконкретизирующей.

3. Раскрывается роль и место оговорки как самостоятельной научной абстракции в трех понятийных рядах общей теории права. Первый ряд может быть схематично представлен в следующем виде: «норма права – нормативные правовые предписания – общая норма права – специальные нормативные правовые предписания – правовая оговорка». Одновременно ввиду двойственной юридической природы оговорки она включена и в еще два ряда научных правовых абстракций: «юридическая техника – правотворческая техника – средство правотворческой техники – оговорка в праве и договоре»; «юридическая техника – правоинтерпретационная техника – предмет толкования права – правовая оговорка».

В рамках обозначенных понятийных рядов оговорка имеет определенное сходство как научная абстракция и средство юридической техники с такими понятиями, как: специальная норма права; исключения в праве; условие действия нормы права; усмотрение в праве; поправка, отсылка и ссылка; заявление, конкретизация и др. Выделяются и раскрываются основные аспекты в разграничении данных понятий теории права.

4. В качестве теоретически и практически значимых критериев классификации правовых оговорок рассматриваются: отраслевая принадлежность (конституционные, гражданские, уголовные, административные, налоговые и др.); характер содержания и роль в механизме правового регулирования (материальные и процессуальные оговорки); метод правового регулирования (императивные и диспозитивные); техника изложения (абстрактные и конкретные); соответствие предмету и целям правового регулирования (допустимые и недопустимые); источник закрепления (оговорки, установленные в законодательстве и предусмотренные договором); уровень действия (международно-правовые,

федеральные, региональные, муниципальные, локального и индивидуального действия).

5. Аргументируется выделение и дается анализ следующих обстоятельств (факторов и условий), детерминирующих необходимость и специфику толкования оговорок в праве и договоре: правовые оговорки характеризуются наличием в системе права наряду с предметными, иерархическими еще и функциональными связями, их смысл устанавливается исключительно в увязке с общими нормами, из которых они устанавливают изъятия или иным образом изменяют объем и содержание их действия; они имеют зачастую сложную нормативно-лексическую форму их выражения и закрепления в нормативном правовом акте или в договоре; в случае избыточности оговорок к той или иной общей норме права дополнительно осложняют процесс уяснения их подлинного смысла и содержания; сопряжены с ситуацией конкуренции общей и специальной нормы права, что вызывает необходимость использования правил по их разрешению; в отношении наиболее значимых правовых оговорок наличествуют акты официального толкования, что, с одной стороны, облегчает процесс их толкования, а, с другой, его усложняет, требуя знания подобных актов и умения их применения на практике; противоречивость и непоследовательность в толковании различными судебными инстанциями правовых оговорок; наличие феномена «удвоения» правовых оговорок, что выражается в установлении оговорок к оговоркам, появление оговорок первого, второго и последующего порядков; закрепление в международном и внутринациональном праве запретов на использование правовых оговорок в ряде случаев, что усложняет оценку их допустимости и действительности; повышенная дефектность в установлении оговорок законодателем и массовые злоупотребления в их использовании в договорной практике.

6. Делается вывод о необходимости соблюдения ряда правил в процессе интерпретации правовых оговорок. Особое значение имеют в деле толкования оговорок такие отправные начала, как принципы всесторонности, объективности, определенности результата толкования, баланса статического и динамического аспектов в интерпретации, добросовестности, справедливости. Их значение и специфическое содержание в отношении истолкования правовых оговорок подтверждается практикой международных судов и квазисудебных контрольных органов, а также практикой Конституционного Суда РФ и Верховного Суда РФ. Кроме того, указанный перечень принципов дополняется требованиями по комплексному использованию базовых способов толкования, недопустимости злоупотребления толкованием оговорок.

7. Доказывается ведущая роль систематического толкования в процессе уяснения, разъяснения и оформления результатов официальной интерпретации правовых оговорок. На основе изучения международной и российской судебной практики утверждается, что толкование допустимости и действительности оговорки в праве и договоре требует обязательного использования

систематического способа в целях устранения неясности и пробельности права по данному вопросу.

8. В качестве правотворческой новации по регламентации процесса толкования правовых оговорок обосновывается целесообразность обращения к ранее уже неоднократно обсуждаемой в отечественной юридической литературе идее проекта закона «О системе нормативных правовых актов в РФ». Аргументируется включение в данный проект закона соответствующей главы (или раздела), посвященной официальной интерпретации нормативных правовых актов и нормативных договоров. В обозначенном разделе целесообразно установить нормы затрагивающие общие требования к официальному толкованию права, гарантии и пределы его осуществления, ряд положений, уточняющих компетенцию субъектов толкования и др. Специальной регламентации в рамках данного законопроекта заслуживают общие и особенные принципы толкования правовых оговорок, критерии оценки их допустимости и действительности, а также юридические последствия недействительности самих актов официального толкования оговорок в праве. Одновременно критикуется предложение о принятии отдельного законодательного акта, посвященного проблемам толкования нормативных правовых актов, ввиду его избыточности в системе российского законодательства.

Научно-теоретическое и практическое значение работы.

Диссертационное исследование выполнено с учетом современных социально-экономических, политических и иных потребностей российского общества в дальнейшем развитии и совершенствовании института оговорок в законодательстве и договорной практике. Выявлены современные тенденции по качественному изменению и расширению сферы действия правовых оговорок. Сделанные в ходе исследования выводы призваны способствовать дополнению, конкретизации и дальнейшему развитию следующих разделов науки теории права и государства: толкование права, юридическая техника, нормы права.

Одновременно результаты исследования оговорок в качестве специфического предмета правоинтерпретационной деятельности могут быть востребованы в целом ряде отраслевых юридических наук при осмыслении оговорок в отдельных отраслях российского законодательства. Положения диссертации пригодны для использования в ходе преподавания учебных дисциплин «Теория государства и права», «Юридическая техника», «Проблемы теории государства и права».

В рамках законотворческой и правоинтерпретационной практик предлагается ряд мер по их совершенствованию в связи с расширением сферы применения в них нормативных предписаний в виде различного рода оговорок.

Апробация результатов исследования. Основные теоретические положения и выводы диссертации докладывались и обсуждались на заседаниях кафедры теории государства и права ФГБОУ ВО «Саратовская государственная академия права». Соискатель по проблемным аспектам темы принимал участие в дискуссиях в рамках научно-методологических семинаров, проводимых

в Саратовском филиале Институт государства и права РАН, а также в иных научных и научно-практических мероприятиях. Наиболее значимые теоретические выводы и обобщения изложены в научных статьях автора, опубликованных в различных периодических изданиях, в том числе 5 из них в журналах, включенных в перечень ВАК при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации.

Структура диссертации обусловлена избранной проблематикой, целью и задачами исследования, методологическими подходами и включает в себя введение, три главы, подразделяемые на шесть параграфов, заключение и список используемой литературы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** раскрывается актуальность темы диссертации; определяются объект и предмет исследования; обозначается степень научной разработанности темы; излагаются методологическая основа, теоретическая и практическая значимость диссертации; приводится нормативно-правовая и эмпирическая база исследования; формулируются научная новизна и основные положения, выносимые на защиту; указываются данные об апробации результатов исследования.

Глава первая «Оговорка как объект теоретико-правового исследования» направлена на установление исходных теоретико-методологических начал рассмотрения правовых оговорок в качестве особого вида специальных предписаний права и договора, на выявление их целевой и функциональной характеристик, на уточнение критериев научной классификации, а также на определение системных связей между ними и иными правовыми предписаниями.

В параграфе первом главы первой «Понятие и характерные черты правовых оговорок» внимание акцентируется на выявлении причин и условий установления оговорок в праве и договоре, на определении их сущностных признаков и формировании соответствующей общетеоретической дефиниции.

Дается краткий исторический экскурс в проблему формирования оговорок в качестве относительно самостоятельных специальных предписаний права.

Первое упоминание об оговорке встречается еще у римских юристов, описывающих случаи непризнания норм законодательных актов Египта в силу их противоречия воззрениям римлян в отношении вопросов понятия и размеров приданного, а также наследования имущества¹.

Данный исторический факт свидетельствует об истоках и причинах возникновения рассматриваемого инструмента, отчасти о его целях и предназначении в процессе правовой регламентации. Оговорка появляется в силу ряда обстоятельств (факторов):

¹ См.: Морозова Ю.Г. Оговорка о публичном порядке в международном частном праве: понятие и современный порядок применения. Дисс. ...канд. юрид. наук. М., 2001. С. 44.

1) усложнения общественных отношений, прежде всего, торговых, участниками которых становятся не только граждане Рима, но и иностранцы;

2) начала процесса, который в настоящее время называется глобализацией, выразившегося во взаимопроникновении национальных правовых систем и увеличении числа судебных споров, осложненных иностранным элементом;

3) в увеличении числа случаев проникновения в национальные правовые системы норм права и судебных актов иностранных государств.

Процесс формирования оговорок в праве имел в своей основе объективные причины, поскольку отношения с иностранными партнерами не могли эффективно регламентироваться только национальным правом.

Однако далеко не всегда составляющие правовой системы страны-партнера соответствовали традициям и особенностям национальной, не исключались ситуации, когда они оценивались, как могущие оказать разрушительное воздействие на публичный порядок и традиции управления одного из государств. Именно развитие международного общения привело к возможности сформулировать правило, предназначение которого состояло в обеспечении и охране публичного порядка путем отказа в признании, применении и исполнении актов иностранных государств, которое и составляет содержание клаузулы (оговорки) о публичном порядке.

Обращение к вопросу истории становления оговорки как понятия законодательства и юридической доктрины демонстрирует, что на протяжении длительного времени оно разрабатывалось преимущественно наукой международного права, которой накоплен весьма существенный теоретический и практический материал о феномене правовой оговорки, воспринятый в дальнейшем и другими отраслями юридической науки и практики.

В целях общетеоретического обобщения в ходе исследования рассмотрены следующие виды оговорок в международном праве:

– *clausula rebus sic stantibus* (оговорка о неизменности условий договора до тех пор, пока неизменными остаются обстоятельства, вызвавшие его заключение и действие);

– медиативная оговорка;

– оговорка о применимом праве;

– оговорка о федеративном государстве – способ ограничения обязательств федерального центра вопросами, подпадающими под установленную конституцией юрисдикцию федерального правительства и др.

Констатируется, что в настоящее время понятием «оговорка» оперируют теории гражданского права и процесса, арбитражного процессуального права, налогового, конституционного, уголовного и уголовно-процессуального права, а также другие юридические науки. Например, в гражданско-правовом регулировании весьма обстоятельно разработан и применяется ряд оговорок:

– третейская оговорка – условие договора или отдельное соглашение о возможности обращения за разрешением споров, наряду с государственным судом, в третейский суд по выбору истца;

- симметричная и ассиметричная арбитражная оговорка;
- оговорка о возмещении потерь;
- оговорка об обычной практике в нефтегазовой отрасли;
- индексная оговорка – установление размера, подлежащего исполнению денежного обязательства в пропорциональной зависимости от изменения величины прожиточного минимума на душу населения;
- валютная оговорка в ее нескольких вариантах (косвенная, прямая, мультивалютная оговорка) и др.

В теории конституционного права активно дискутируется вопрос об оговорке неприкосновенности Уполномоченного по правам человека. В теории и практике уголовного права раскрывается специфика оговорки о неприменении смягчающих обстоятельств.

В работе представлен критический анализ различных вариантов понимания правовых оговорок, встречающийся в специальной юридической литературе, в ходе которого выделены три доминирующие позиции:

- 1) оговорка рассматривается как особый прием юридической техники;
- 2) оговорка предстает в виде разновидности специальных юридических норм;
- 3) оговорка трактуется в качестве специального условия и в виде своеобразной отсылки в праве.

Сопоставление обозначенных позиций приводит автора к выводу о том, что оговорка обладает двойственной юридической природой, сочетая в себе черты и специального нормативного предписания, и особого рода инструмента юридической техники. Основания такого суждения кроются в предназначении оговорок, особенностях применения в правотворческой, договорной и правоинтерпретационной практике, а также в их возможности выступать предметом юридического соглашения или спора. Обосновывается, что основное предназначение оговорок состоит в обеспечении должного уровня дифференциации правового регулирования путем изменения режима действия общего правила при наличии исключительных (или особых) обстоятельств.

С учетом изложенного, правовая оговорка определяется в качестве разновидности специальных нормативных правовых предписаний, в содержательном отношении представляющей собой исключение (или ограничение) действия общей нормы права или положения в договоре, а в технико-юридическом аспекте являющейся средством дифференциации и конкретизации как норм права, так и условий договора. Двойственная природа оговорки отражается на ее дефиниции одновременно в качестве и специального нормативного предписания, и средства юридической техники. Оба аспекта проявления сущности правовой оговорки предлагается рассматривать в единстве и взаимном дополнении. В правоинтерпретационном процессе оговорка предстает в виде относительно самостоятельного специального нормативного предписания, как достаточно сложный предмет для толкования, требующий комплексного и системного подхода в установлении его подлинного содержания и смысловой

нагрузки. В рамках же правотворческой техники оговорка есть преимущественно средство обеспечения фиксации системно-функциональных связей между общей нормой и нормой-изъятием в праве.

Параграф второй главы первой «Цели и функции правовых оговорок» посвящен вопросу целевого назначения и функциональной природы оговорок в праве и договоре.

Раскрывается инструментальная природа оговорки в качестве:

- формы разрешения конфликтов и согласования интересов различных участников общественных отношений;
- инструмента обеспечения прав человека и гражданина;
- средства установления компетенций коллективных субъектов права, включая и статус государства в международных отношениях;
- метода информирования субъектов права о возможных вариантах поведения;
- средства конкретизации норм законодательства и положений договора;
- инструмента специализации норм права;
- способа определения границ усмотрения для субъектов толкования и применения права;
- средства выделения из общих предписаний воли одного или ряда субъектов отношений в сфере государственного управления.

Обосновывается тезис следующего содержания. Цели оговорок-предписаний разнообразны, определяют их функции, и представлены целями нескольких уровней в системе права: первый – цели права в целом, второй – цели специальных нормативных предписаний, разновидностями которых являются оговорки, третий – цели самих оговорок. К последнему уровню в диссертации отнесены цели: а) ограничения действия общей нормы; б) установления иного способа регулирования отношений; в) защиты интересов участников правоотношений в условиях риска или необходимости обеспечения установления баланса интересов субъектов права.

Отстаивается идея о необходимости выделения у правовых оговорок следующих функций: регулятивно-ограничительной, информационно-корректирующей, защитной и правоконкретизирующей.

В параграфе третьем главы первой «Соотношение понятия «правовая оговорка» со смежными категориями теории права» дается сопоставительный анализ оговорок с рядом иных правовых феноменов, определяются основные моменты в их разграничении. Приводится дополнительная аргументация авторской позиции по рассмотрению оговорок в качестве специфического самостоятельного предмета правоинтерпретационной деятельности.

Раскрывается роль и место оговорки как самостоятельной научной абстракции в трех понятийных рядах общей теории права. Первый ряд может быть схематично представлен в следующем виде: «норма права – нормативные правовые предписания – общая норма права – специальные нормативные правовые предписания – правовая оговорка». Одновременно ввиду двойственной

юридической природы оговорки она включена и в еще два ряда научных правовых абстракций: «юридическая техника – правотворческая техника – средство правотворческой техники – оговорка в праве и договоре»; «юридическая техника – правоинтерпретационная техника – предмет толкования права – правовая оговорка».

В рамках обозначенных понятийных рядов оговорка имеет определенное сходство как научная абстракция и средство юридической техники с такими понятиями, как: специальная норма права; исключения в праве; условие действия нормы права; усмотрение в праве; поправка, отсылка и ссылка; заявление, конкретизация и др. Выделяются и раскрываются основные аспекты в разграничении данных понятий теории права.

Не отрицая черт сходства правовых оговорок с нормами права, устанавливающими иммунитеты и привилегии в отношении определенных лиц, делается вывод, что они все же имеют различную содержательную составляющую и функциональную нагрузку в механизме правового регулирования. Подчеркивается, что институт привилегий в праве представляет собой не одну отдельно взятую норму, а целый их комплекс, фактически являясь институтом права, поскольку, как правило, законодательное оформление привилегий, а равно иммунитетов (например, депутатский или дипломатический иммунитет), сопряжено с установлением целого ряда исключений в виде освобождения от определенного вида ответственности, от исполнения ряда обязанностей и дополнительного наделения особыми преимуществами. Иммунитеты и привилегии в праве затрагивают различные элементы правового статуса специальных субъектов, что характеризует их в качестве комплексных правовых средств, отличных от оговорок в законодательстве, в международном договоре или в договорах индивидуального частноправового плана.

Одновременно рассматриваются черты сходства иммунитета в праве с оговоркой об освобождении от ответственности в договоре. В обоих случаях предусматривается инструмент освобождения от ответственности субъектов, но цели их применения на практике не совпадают. Если для правового иммунитета целью является обеспечение дополнительных гарантий независимости и самостоятельности в реализации властных полномочий определенными органами государственной власти, то для оговорки в договоре, освобождающей сторону от ответственности, гарантируется защита от совершенно иных рисков, сопряженных с исполнением обязательств по договору частного характера.

Постулируется, что объединение рассматриваемых правовых средств из сферы публичного и частного права в рамках одной общетеоретической конструкции «оговорка» нивелирует достаточно существенные отличия между ними. Более целесообразным и обоснованным видится рассмотрение норм-оговорок, норм-исключений, норм-привилегий в качестве относительно самостоятельных видов специальных нормативных правовых предписаний. Определение специальных норм в качестве родового понятия по отношению к перечисленным разновидностям предписаний является наиболее удачным

теоретическим шагом. Усложнение социальных связей и специализации общественных отношений объективно требуют соответствующей специализации нормативных предписаний в праве. Следовательно, отграничение оговорок от иммунитетов, привилегий и иных специальных норм в праве носит объективно обусловленный естественно-исторический характер.

Обращается внимание на неточность отождествления правовой оговорки исключительно с терминологическими оборотами в текстах нормативных правовых актов в виде: «за исключением случаев», «в порядке исключения», «исключительный случай», «кроме случаев» и т.п. Доказывается, что разнообразие терминологического выражения оговорок в законодательстве и договоре не сводимо к указанным оборотам. В ряде случаев оговорки и вовсе представляют собой самостоятельные нормативные предписания, не содержащие данных терминологических конструкций. Таким образом, понятия оговорка и исключение в праве имеют частичное совпадение по объему и содержанию. Диалектика их соотношения заключается и в том, что оговорка может быть сделана и к исключительной норме права. Возможна и обратная ситуация, когда в отношении действия оговорки как специального нормативного предписания устанавливается исключение.

В раках юридической техники устанавливается отличие оговорок от отсылок и ссылок. Последние не содержат самостоятельных правовых предписаний, играют исключительно техническую роль, обеспечивая системную увязку норм права. Они позволяют сократить текстуальный объем в нормативных правовых актах, избежать повторного изложения одного и того же предписания в нескольких статьях или даже в ряде нормативных актов.

Констатируется, что усмотрение и оговорка также выступают тесно соприкасающимися явления правовой действительности. Во-первых, устанавливаемые правотворческим органом или участниками договорной практики оговорки в последующем в ходе толкования и реализации права ограничивают возможности по усмотрению со стороны лиц, применяющих правовые предписания, имеющие к ним соответствующую оговорку. В результате оговорка как инструмент конкретизации права определяет границы усмотрения суда или иного правоприменительного органа, суживает возможность расширительного толкования того или иного положения нормативного правового акта или договора, содержащих подобное специально оговариваемое условие и его последствия. Во-вторых, оговорка к международному договору сопряжена с усмотрением и волей одной из его сторон, что в ряде случаев может быть истолковано в качестве довода за их отождествление. В частноправовой сфере установление оговорок в договоре также увязано с волеизъявлением, усмотрением, что обусловлено диспозитивностью правового регулирования отношений между частными лицами. Представляется, что процесс установления, толкования и применения правовых оговорок сопровождается усмотрением соответствующих субъектов, но эти два явления несмотря на определенную связь имеют самостоятельный характер.

Выявляются черты сходства и различия между оговоркой и ошибкой как феноменами правовой жизни. Подчеркивается, что правотворческая ошибка имеет негативный характер, сопряжена с неумышленными действиями субъектов правотворческой деятельности. Ошибки возможны и в тексте договора, но они также не представляют собой целенаправленно устанавливаемых положений и даже, напротив, искажают волеизъявление сторон и подлежат исправлению. Исправление же ошибок в тексте договора или нормативного правового акта не тождественно установлению оговорок, поскольку последние есть целенаправленно сформулированные специальные нормативные предписания, имеющие относительно самостоятельное регулятивное значение, обеспечивающие дифференциацию и должное качество правового регулирования. Если ошибка в праве явление с отрицательными последствиями, требующее профилактики или исправления, то оговорка в праве и договоре предстает как необходимый инструмент специализации правовых предписаний, адаптации права в отношении особых случаев и обстоятельств.

В ходе исследования делается вывод от том, что чрезмерное установление оговорок в праве чревато негативными последствиями, например, в виде полной нейтрализации действия общей нормы, в виде коллизий правовых предписаний, избыточности правовой регламентации общественных отношений. В таком случае оговорка в праве или договоре оценивается в качестве ошибки правотворческого органа или сторон, заключивших подобный договор. Определение избыточной оговорки в качестве ошибочно установленной все же не свидетельствует о допустимости их отождествления.

Различия между правовой ошибкой и оговоркой сводятся к следующим основным моментам:

- ошибка, как правило, носит случайный характер в качестве действия и результата ошибочной юридической деятельности, а оговорка есть осознанный акт законодателя или участников договорной практики по установлению в праве или договоре специального нормативного правового предписания в целях урегулирования особого, исключительного случая или иного ограничения действия общей нормы или общего положения (за исключением ошибочно установленных оговорок);

- если ошибка зачастую выражается в праве или договоре в виде технического отклонения (например, нарушения грамматики, ошибки в отсылках и ссылках между отдельными предписаниями и др.), то оговорка имеет целостный характер в качестве относительно обособленного нормативного правового предписания или положения договора индивидуального характера, состоящего из условий ее действия и соответствующих правовых последствий;

- ошибка подлежит исправлению, а оговорка является неотъемлемой частью договора или нормативного правового акта, действует до их отмены, изменения или прекращения действия;

- правовая ошибка и оговорка могут быть предметом оценки в рамках правоинтерпретационной деятельности, но последствия их выявления и толкования

будут различными (оговорка толкуется в целях ее последующего правильного применения, а ошибка устанавливается субъектом толкования права или договора в целях уточнения волеизъявления законодателя или сторон договора);

– оговорка может представлять собой ошибочно установленное предписание в праве или договоре, ее текстуальное выражение может содержать ошибку в виде описки, опечатки и т.д., но юридическая ошибка никогда не выступает в виде особого средства юридической техники в отличие от оговорки и даже, напротив, является объектом для юридической техники в целях их выявления и устранения.

Существенное внимание уделяется соотношению понятий «оговорка» и «заявление». Диалектика их связи порой приводит отдельных авторов в теории международного права к их отождествлению. В сфере международного сотрудничества государство делает заявление об оговорке к тому или иному договору в случае его подписания, присоединения к нему, ратификации. В ходе исследования уже в этом аспекте усматривается определенное различие между ними, поскольку заявление есть действие со стороны государства, выражающее намерение внести в содержание договора оговорку в виде исключения в отношении себя действия определенного положения. Следовательно, оговорка есть результат подобного заявления государства, оформляющийся в виде специального положения и предписания, текстуально фиксируемого в договоре.

Для целей настоящего исследования подобное соотношение понятий определяется в качестве существенного, поскольку предметом толкования права может выступать лишь оговорка как относительно обособленное специальное нормативное правовое предписание или положение договора, а не сами действия субъектов по ее установлению и реализации. Однако в случае применения историко-политического способа толкования оговорок интерпретатор может прибегать к анализу самих действий государства по установлению оговорки и сопровождающих их обстоятельств. С учетом изложенного, делается вывод, согласно которому заявление и отказ, с одной стороны, и оговорка, с другой, соотносятся как действие-установление, действие-реализация и нормативное правовое предписание (или положение договора в зависимости от формы закрепления оговорки). Диссертант присоединяется к мнению тех авторов, кто придерживается идеи о необходимости их четкого разграничения и обособления.

В завершение параграфа определяются отличительные характеристики правовой оговорки и гипотезы правовой нормы, которые сводятся к следующему: гипотеза представляет собой часть правовой нормы, в которой содержится указание на условия действия нормы, оговорка – цельное нормативное предписание, включающее в себя помимо гипотезы еще и диспозицию в качестве последствия ее реализации. Одновременно констатируется, что гипотеза правовой оговорки преимущественно носит весьма конкретный характер, поскольку ограничивает действие общего предписания либо делает из него изъятие.

Правовая оговорка, будучи самостоятельным инструментом специализации и конкретизации права, представляет собой особую разновидность специальных нормативных предписаний, выполняющую собственные специфические функции

в деле системной организации права и в процессе регулирования общественных отношений. Таким образом, «понятие правовая оговорка» подлежит включению в понятийный аппарат науки теории государства и права в статусе самостоятельной научной абстракции, отражающей соответствующее специфическое правовое явление.

Параграф четвертый главы первой «Классификация оговорок в праве и договоре» посвящен выбору наиболее значимых в теоретическом и практическом аспектах критериев для классификации правовых оговорок.

Усложнение социальных связей в современном обществе с необходимостью предопределяет дальнейшее увеличение числа оговорок в праве и договорной практике, что актуализирует проблему их научной классификации, определения ее критериев и установления количественно-качественного многообразия данных специальных нормативных предписаний.

Дается отраслевой анализ правовых оговорок исходя из предметного критерия их классификации. Рассмотрены оговорки в конституционном, гражданском, уголовном, уголовно-процессуальном и других отраслях российского права, что позволило выделить их черты сходства и отличительные особенности. Межотраслевое сопоставление правовых оговорок приводит автора к утверждению о необходимости формирования их общетеоретической модели в качестве особого предмета правоинтерпретационной деятельности.

Одно из центральных мест занимает в работе градация в теории права оговорок по источнику их закрепления на оговорки, установленные в законодательстве и оговорки, предусмотренные договором, поскольку между двумя выделяемыми группами наблюдается ряд специфических отличий как по содержанию, так и по форме выражения и назначению в правовом регулировании. Далее каждая из двух классификационных групп оговорок подвергнута дальнейшей дифференциации на подвиды. К примеру, оговорки в законодательстве подразделяются на оговорки в законе и оговорки в подзаконном акте. Договорные оговорки, в свою очередь, могут быть поделены на оговорки нормативного договора и оговорки, выраженные в договоре индивидуального содержания.

Особым практическим значением обладает классификация оговорок в зависимости от соответствия (или не соответствия) предмету и целям правового регулирования на допустимые и недопустимые. Последний критерий характеризуется научно и практически значимым, поскольку влияет на итоговую оценку правовой оговорки в ходе ее толкования и последующего применения.

Еще одним научно-практически значимым критерием классификации правовых оговорок является их деление по сфере действия (по территориальному признаку), в соответствие с которым они градируются на международного, федерального, регионального, муниципального, локального и индивидуального действия. Последний вид составляют оговорки, содержащиеся в договорах индивидуального характера, в изобилии представленные в частном праве.

Критически оценивается представленная в юридической литературе классификация оговорок по структуре на простые и сложные. Последние, в свою

очередь, подразделяются на альтернативные и кумулятивные оговорки. Отмечается, что в данном случае речь идет не о классификации правовых оговорок как целостных нормативных правовых предписаний, а о делении на виды лишь их структурных элементов в виде соответствующих гипотез.

Кроме того, уточняется дифференциация оговорок по характер содержания и роли в механизме правового регулирования на материальные и процессуальные оговорки, по методу правового регулирования на императивные и диспозитивные, в зависимости от техники изложения – на абстрактные и конкретные.

Глава вторая «Оговорка как средство конкретизации права и предмет правоинтерпретационной деятельности» посвящена рассмотрению общих вопросов использования оговорки в процессе конкретизации права, что составляет существенный аспект в ее понимании в качестве специфического объекта толкования права.

В первом параграфе главы второй «Оговорка в механизме конкретизации права» сделан акцент на рассмотрении оговорки в качестве особого инструмента по конкретизации нормативных правовых предписаний и соответствующего результата.

Обобщенность (абстрактность) свойственная нормам романо-германской правовой семьи, наличие оценочных понятий в законодательстве, пробелов в механизме правового регулирования, все это и многое другое на фоне активного увеличения областей правового воздействия обуславливают потребность обязательной и всесторонней конкретизации и детализации имеющихся правовых предписаний. Подчеркивается необходимость более «узкой» направленности нормативно-правового воздействия в ряде сфер социальной жизни, поскольку в процессе правового регулирования, выявляются и приумножаются специфические общественные отношения, где невозможно обойтись без повышенной конкретности и четкости законодательной регламентации.

Обращается внимание на тот факт, что, рассматривая явление конкретизации права через определенную сферу применения, многие ученые изучали его как технико-юридический прием не только правотворческой, но интерпретационной практики. Одним из первооткрывателей в разработке этой области был известный дореволюционный правовед Н.А. Гредескул.

Отдельное внимание уделяется понятию конкретизации права, его соотношению со смежными категориями – специализацией права, конкретизацией законодательства, толкованием права, индивидуализацией правовой оговорки и др.

Диссертант присоединяется к точке зрения, согласно которой в процессе конкретизации права приобретаются как отдельные точечные, так и системные результаты, которые могут проявляться в создании, изменении, отмене правовых норм, отдельных элементов системы права и законодательства. Системный подход к раскрытию сущности конкретизации права позволяет рассматривать ее как фундаментальную, а не чисто прикладную проблему. Конкретизация права как понятийная конструкция призвана отражать системность и целенаправленность процесса правоконкретизационной деятельности по поэтапному повышению

степени определенности самих нормативных правовых предписаний и обеспечению как предметной, так и функциональной определенности правового регулирования в целом.

Раскрывается правоконкретизирующая функция оговорок, реализуемая на уровне правотворчества, толкования и применения права. Дается соотношение правовых оговорок с конкретизационными нормами права, в ходе которого устанавливается их частичное совпадение. Аргументируется недопустимость их полного отождествления, поскольку оговорки в праве и договоре не исчерпывают своего предназначения исключительно одной лишь конкретизацией правовых предписаний. Одновременно делается акцент на двойственном характере оговорок в механизме конкретизации права. С одной стороны, они являются его важнейшим средством, а, с другой, – есть объект конкретизирующей право деятельности соответствующих субъектов.

Конкретизация сопровождает процесс толкования правовых оговорок в ходе применения различных способов правоинтерпретации. Познавательная конкретизация необходима при обнаружении несовпадения между волей законодателя и нормативно-лексической формой закрепления ее в оговорке. Одновременно затрагивается проблема пределов конкретизации права, анализируется идея о негативном характере излишней правотворческой конкретизации норм права, одним из проявлений которой выступают избыточные правовые оговорки.

В параграфе втором главы второй «Техника и технология толкования правовых оговорок» исследуются вопросы о необходимости толкования правовых оговорок, специфике принципов, способов и приемов данной правоинтерпретационной деятельности.

Правовые оговорки, будучи разновидностью нормативных предписаний права и индивидуальных положений, договора выступают особым предметом толкования в юридической практике и как следствие требуют специализированного подхода в установлении их смыслового содержания и дальнейшего применения в каждом конкретном случае.

Уточняется ряд общих вопросов толкования права и правоинтерпретационной техники. Осуществляется аргументированное выделение обстоятельств, обуславливающих необходимость толкования правовых оговорок. При этом раскрываются как общие условия, детерминирующие необходимость толкования любого рода правовых норм и положений договоров, так и особенные – конкретизирующие потребность в интерпретации именно правовых оговорок.

В числе особых обстоятельств, определяющих специфику и необходимость толкования оговорок в праве и договоре обозначены и проанализированы следующие:

1) правовые оговорки характеризуются наличием в системе права наряду с предметными, иерархическими еще и функциональными связями, их смысл устанавливается исключительно в увязке с общими нормами, из которых они

устанавливают изъятия или иным образом изменяют объем и содержание их действия;

2) они имеют зачастую сложную нормативно-лексическую форму их выражения и закрепления в нормативном правовом акте или в договоре;

3) оговорки требуют дополнительных усилий на проверку их соответствия критериям допустимости и действительности;

4) в случае избыточности оговорок к той или иной общей норме права дополнительно осложняют процесс уяснения их подлинного смысла и содержания;

5) оговорки обязательно сопряжены с ситуацией конкуренции общей и специальной нормы права, что вызывает необходимость использования правил по их разрешению;

6) в отношении большинства правовых оговорок наличествуют акты официального толкования, что, с одной стороны, облегчает процесс их толкования, а, с другой, его усложняет, требуя знания подобных актов и умения их применения на практике;

7) противоречивость и непоследовательность в толковании различными судебными инстанциями правовых оговорок;

8) наличие феномена «удвоения» правовых оговорок, что выражается в установлении оговорок к оговоркам, появление оговорок первого, второго и последующего порядков;

9) наличие в международном и внутринациональном праве запретов на использование правовых оговорок в ряде случаев, что усложняет оценку их допустимости и действительности;

10) повышенная дефектность в установлении оговорок законодателем и злоупотребления в их использовании в договорной практике вызывает дополнительные сложности в их истолковании и др.

Под критическим углом анализируются теории динамического и статического толкования, субъективного и объективного толкования, а также раскрываются основные подходы к пониманию содержания и структуры правоинтерпретационной техники в целом.

Делается вывод о том, что обилие системных связей в праве, окружающих оговорку как специальное предписание, ее предназначение в качестве инструмента специализации и конкретизации нормативной правовой материи обуславливают зачастую потребность не просто в буквальном истолковании ее смыслового содержания, а именно в динамической интерпретации с опорой на систематический способ толкования и учет быстроменяющейся социально-политической и экономической обстановки, общих начал права и целого ряда оценочных понятий. Занимается позиция о необходимости и целесообразности сбалансированного применения статического и динамического подходов в истолковании правовых оговорок.

Обосновывается необходимость соблюдения ряда правил в процессе интерпретации правовых оговорок. Особое значение имеют в деле толкования оговорок такие отправные начала, как принципы всесторонности, объективности,

определенности результата толкования, баланса статического и динамического аспектов в интерпретации, добросовестности, справедливости. Их значение и специфическое содержание в отношении истолкования правовых оговорок подтверждается практикой международных судов и квазисудебных контрольных органов, а также практикой Конституционного Суда РФ и Верховного Суда РФ. Кроме того, указанный перечень принципов дополняется требованиями по комплексному использованию базовых способов толкования, недопустимости злоупотребления толкованием оговорок.

Одновременно доказывается ведущая роль систематического толкования в процессе уяснения, разъяснения и оформления результатов официальной интерпретации правовых оговорок. Для толкования норм-оговорок наряду с языковым и систематическим способами толкования могут быть эффективно использованы приемы построения дискурсивной модели текста правовой оговорки, анализ части и целого, сужение значения слов и свертывание предложений в оговорках.

Построение дискурсивной модели текста оговорки во многом напоминает содержание историко-политического способа толкования, поскольку связано с выяснением социальных параметров тех факторов и условий, в которых происходило создание этого текста. Оговорка, будучи специальным нормативным правовым предписанием, представляет собой результат, некий итог соответствующей коммуникативной деятельности, которая имеет социально обусловленный характер и определенный социокультурный контекст. Поэтому для уяснения ее смысла интерпретатор выходит за рамки языка и устанавливает для чего, при каких условиях и какие причины способствовали появлению текста оговорки, который создается в социальном дискурсе и является его следствием.

Раскрывается определенная последовательность в применении логического преобразования в ходе толкования правовых оговорок: 1. приведение в логическое соответствие подлежащего предложения, в котором выражено правило поведения, и субъекта-адресата этого правила поведения; 2. исключение персонифицированной трактовки субъекта и его «количественное» преобразование, чего требует общий характер нормы-оговорки; 3. выявление у предписания-оговорки либо прескриптивного, либо интердиктивного, либо пермиссивного характера; 4. формулирование и объяснение изъятия (или иного ограничения по отношению к общему правилу), содержащегося в предписании-оговорке. Обращается внимание, что подобная операция возможна только в случае наличия знаний о содержании, пределах и сфере действия общей нормы. Для получения таких знаний наряду с логическим способом толкования необходимо обращаться и к систематическому истолкованию.

В рамках систематического способа толкования оговорок специально исследуется методика определения предметных, генетических, функциональных и иерархических связей правовых оговорок с общими нормативными предписаниями права.

Предлагается ряд выводов, изложенных в виде правил, направленных на обеспечение процесса уяснения смысла предписаний-оговорок в праве.

Во-первых, при толковании текста правовой оговорки следует руководствоваться универсальными принципами – всесторонности, объективности, определенности, баланса статического и динамического аспектов в толковании, добросовестности, справедливости и др. Значимость большинства из них подтверждена правовыми позициями Конституционного Суда РФ, которым неоднократно указывалось на необходимость основывать правоинтерпретационную деятельность на вышеупомянутых принципах.

Во-вторых, при установлении смысла правовых оговорок не применяется расширительное толкование. Это правило вытекает из самой природы указанных норм, представляющих собой изъятия или иные ограничения из общего правила. Следовательно, при толковании оговорок применяются приемы и средства, ограничивающие их содержание (сужение слов, редукция и др.). В данном случае надлежит помнить о необходимости пространственного, темпорального (временного), субъектного (по кругу лиц) ограничения.

Сфера применения оговорки-изъятия из какого-либо права не может быть истолкована таким образом, чтобы поставить под угрозу сущность соответствующего права. При соблюдении этого правила следует помнить, что ни одно толкование не может лишить заинтересованного субъекта права или дополнительного правомочия, вытекающего из нормы-изъятия. В противном случае, само толкование и его результат является null and void.

В-третьих, толкование условий, содержащихся в правовых оговорках, должно осуществляться таким образом, чтобы его результаты не могли ставить под угрозу достижение основной цели акта, содержащего названные нормы. При применении и толковании ограничений, государство не должно применять меры, приводящее к большему ограничению прав, чем это необходимо для достижения цели, с которой вводится ограничение.

В-четвертых, результаты толкования оговорки, устанавливающей исключения из общепринятых принципов, не должны нивелировать содержание и значения отправных начал права.

Третья глава «Судебное толкование правовых оговорок» посвящена исследованию проблем интерпретации правовых оговорок национальными и международными судами.

Раскрываются причины, особенности техники и технологии толкования судами различных видов правовых оговорок, а также определяются направления оптимизации данного вида правоинтерпретационной деятельности.

Устанавливается закономерный характер в развитии судебной практики, когда разнообразные дефекты законодательной и международно-правовой нормативной регламентации института оговорок в праве и договоре становятся дополнительным поводом для судебного толкования подобного рода норм. «Болевой» точкой процесса интерпретации судами правовых оговорок являются критерии их допустимости и действительности, а также юридические последствия

признания оговорок недействительными. Трудности в истолковании правовых оговорок возникают как у национальных судов, так и у судебных инстанций международной юрисдикции. При этом именно судебное толкование по настоящий момент остается наиболее значимым инструментом по преодолению пробелов и иных дефектов законодательства и международных договоров в вопросах установления, толкования и применения правовых оговорок.

Анализируется практика толкования арбитражной оговорки в ряде зарубежных стран и в России. Дается сравнительный анализ в целях общетеоретического обобщения и выявления общих закономерностей процесса толкования правовых оговорок.

В ряде стран законодательство и судебная практика встают на защиту потребителя от арбитражных оговорок ввиду его неосведомленности о возможных последствиях включения такой оговорки в договор с профессиональной стороной – предпринимателями и организациями. К примеру, гражданское процессуальное законодательство Австрии содержит специальные нормы, защищающие потребителя в виде разрешения заключения с ним арбитражного соглашения только после возникновения спора. Кроме того, в ходе заключения подобного соглашения потребителю должна быть предоставлена письменная юридическая консультация о различиях между третейским разбирательством и судопроизводством.

В США корпорации практикуют включение в потребительские договоры арбитражных оговорок в целях обезопасить себя от коллективных исков потребителей. Однако суды в США признают такие оговорки недействительными посредством объявления их недобросовестными условиями договора в соответствии с нормами действующего торгового права¹. Следовательно, в ряде стран арбитражная оговорка признается недействительной в силу нарушения прав потребителей как «слабой» стороны в договоре.

В российском законодательстве наличествуют императивные нормы ст. 29 Гражданского процессуального кодекса РФ и ст. 17 Закона о защите прав потребителей, которые закрепляют право потребителя по собственному выбору обращаться с исковыми требованиями в суд либо по месту нахождения ответчика, либо по месту своего пребывания (жительства), либо по месту заключения или исполнения потребительского договора, несмотря даже на имеющуюся оговорку в договоре об изменении территориальной подсудности.

Однако российское законодательство не содержит точных указаний о наличии такого права при установлении в потребительском договоре арбитражной (или третейской) оговорки. Фактический пробел в праве в виде отсутствия специальных норм, определяющих недействительность третейских оговорок в потребительских договорах, породил в практике судебного толкования указанных оговорок разброс позиций от утверждений об их допустимости

¹ См. об этом подробнее: *Терентьева Л.В.* Арбитражные оговорки в соглашениях с участием потребителя // *Право. Журнал Высшей школы экономики.* 2020. № 2. С. 28 – 44.

в соглашениях с потребителями до невозможности рассмотрения споров по договорам с участием потребителей.

Особую актуальность проблеме толкования арбитражной оговорки придает тенденция увеличения числа сделок посредством электронной торговли, которая сопровождается включением данного вида оговорок как в пользовательские соглашения с организациями платформенного типа, так и в договоры, объектом которых выступают различного рода виртуальные предметы (виртуальные и внутриигровые валюты, доменные имена, виртуальные услуги, аккаунты и др.). Соответственно, расширившиеся возможности по заключению таких потребительских договоров при посредстве электронно-информационных технологий, сопровождаются установлением в них арбитражных оговорок в пользу иностранных судов, что, в свою очередь, порождает проблему определения действительности и исполнимости таких договоров в соответствии с российским законодательством.

Формулируется вывод о том, что толкование допустимости и действительности арбитражных оговорок в потребительских соглашениях и договорах присоединения по российскому законодательству требует обязательного использования систематического способа в целях устранения неясности и пробельности права по данному вопросу. Судебное же толкование лишь отчасти способствует преодолению отмеченных трудностей, поскольку сама судебная практика не характеризуется единообразием при рассмотрении подобных категорий дел.

Дается критический обзор практики судебного толкования оговорок об ограничении или исключении ответственности по договору. Согласно действующему гражданскому законодательству РФ, норма о полном возмещении убытков носит диспозитивный характер, и одновременно ее действие может быть ограничено либо в силу закона, либо в силу соглашения сторон. Добровольное ограничение сторонами договора ответственности порой именуют «исключающей оговоркой».

Отмечается, что в договорной практике исключающие оговорки могут принимать различные формы и существенно отличаться по содержанию. Во всем многообразии исключающих оговорок выделяются следующие их виды:

- оговорка в виде установление повышенных требований к форме вины для привлечения лица к ответственности (ограничение посредством установления условия о возмещении убытков по договору исключительно за совершение умышленных действий);
- оговорка в виде ограничения размера убытков, подлежащих истребованию с должника – согласование исключительной неустойки или взыскание только реального ущерба;
- оговорка сокращенного срока предъявления требований по возмещению убытков;
- оговорка в виде установления дополнительных требований к кредитору как условию привлечения к ответственности.

В итоге под исключительной оговоркой предлагается понимать специальное положение в договоре, которое исключает или иным образом ограничивает ответственность должника, вводя тем самым исключение из общего правила о полном возмещении убытков и устанавливая иной режим юридической ответственности.

В зарубежных правовых системах исключительные оговорки являются достаточно распространенным правовым инструментом договорной практики, но в их отношении законом устанавливаются более строгие требования по сравнению с иными договорными условиями. Иностранный законодатель и суд двояко подходят к оценке оговорок, исключающих ответственность по договору. Если оговорка устанавливается на добровольных началах между экономически равными субъектами, то она трактуется в качестве разумного средства перераспределения риска несения негативных последствий между сторонами. Иной подход наблюдается в ситуациях, когда стороны договора неравны в возможностях, что привело к появлению в законодательстве и судебной практике понятия слабой стороны в договоре. В последнем случае исключительная оговорка будет блокироваться судом в качестве недопустимой.

В Германии суды широко применяют критерий разумности по отношению к проверке исключающую ответственность правовую оговорку на предмет ее допустимости и действительности. Наряду с этим исключающая оговорка недопустима в следующих случаях:

- в типовых договорах, предполагающих многократное применение;
- в отношении неосторожных действий должника либо иных лиц, им привлеченных к исполнению обязательств по договору;
- определения максимального размера убытков за исключением случаев, когда суд признает максимальную сумму достаточной для возмещения;
- неясности содержания исключительной оговорки;
- при противоречии императивным требованиям закона.

В Российской Федерации судебное толкование опирается на общую установку о допустимости включения в договор подобной правовой оговорки в виде исключения ответственности. Однако есть и решения судов, в которых исключительные оговорки игнорируются без должного обоснования

Судебной практикой в ходе толкования и применения исключительных оговорок был выработан ряд критериев их допустимости и действительности. В их числе следующие требования:

- недопустимости ограничения, исключения ответственности за умышленное нарушение обязательств (одновременно следует учитывать разъяснения Пленума Верховного Суда РФ, если в пределах, установленных п. 4 ст. 401 ГК РФ, в заранее заключенном соглашении указаны обстоятельства, устраняющие или ограничивающие ответственность должника за неумышленное

нарушение обязательства, то на него возлагается бремя доказывания их наступления)¹;

- недопустимости исключаящих оговорок в потребительских договорах ввиду необходимости защиты слабой стороны в соглашении;

- недействительны исключаящие оговорки в отношении законных неустоек и иных санкций, определенных законом в императивном порядке (например, в случае когда размер неустойки определен законом, то в силу п. 2 ст. 332 Гражданского кодекса РФ он не может быть уменьшен в силу оговорки в договоре)²;

- недопустимости исключительные оговорки с признаками злоупотребления правом, например, при установлении в договорах присоединения (Пленум Верховного Суда РФ разъяснил, что оценивая действия сторон с позиций действия принципа добросовестности, следует исходить из поведения, ожидаемого от любого участника гражданского оборота, учитывающего права и интересы другой стороны, а также содействующего ей в том числе в получении необходимой информации³).

С учетом вышеизложенного постулируется тезис, согласно которому оговорки об исключении или ограничении ответственности по договору достаточно часто выступают в качестве специфического предмета судебного официального толкования в целях конкретизации условий их действительности, а также определения последствий их недействительности. Приводятся и другие примеры по интерпретации правовых оговорок российскими судами.

Отдельное внимание уделяется проблемам толкования правовых оговорок международными судами и квазисудебными органами. Оговорки в международном праве занимают особое место, обеспечивая гибкость и должную дифференциацию правового регулирования международных отношений, способствуя достижению консенсуса, баланса интересов различных государств.

Устанавливается, что особую сложность в правоинтерпретационном процессе вызывают оговорки в международных договорах, предусматривающие ограничение прав и свобод человека и гражданина, порождая одновременно достаточно противоречивые акты толкования со стороны международных судов и квазисудебных организаций.

При этом констатируется, что оговорки к международным договорам, с одной стороны, позволяют согласовать интересы большего количества

¹ См.: Пункт 7 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24.03.2016 г. № 7 "О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств" // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2016. № 5.

² См.: Пункт 61 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24.03.2016 № 7 "О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств" // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2016. № 5

³ См.: Пункт 1 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 г. № 25 "О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации" // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2015. Август. № 8.

государств при заключении таких соглашений, а, с другой, используются ими в качестве инструментов по фактическому неисполнению в дальнейшем положений договорных актов. Злоупотребление оговорками со стороны государств, неясность и иные дефекты норм Венской конвенции в сфере оговорок к договорам вызвали насущную потребность в судебном их истолковании.

Анализируется и обобщается практика толкования правовых оговорок Международного суда ООН, Европейского суда по правам человека, а также иных международных региональных судебных и квазисудебных инстанций.

Рассмотрение конкретных обстоятельств, вызывающих сложности в судебном толковании ограничительных оговорок в международном праве и правовых позиций судов, выработанных в ходе их интерпретации, позволило прийти к следующим выводам.

Во-первых, следует констатировать наличие существенного числа сделанных государствами различных по содержанию и последствиям оговорок к актам о правах человека:

- оговорки об исключении действия в отношении отдельного государства материальной нормы договора в целях защитить свои интересы;
- процессуальные оговорки, предусматривающие отказ государства от обязательной юрисдикции международного суда по спорам, связанным с реализацией положений таких договоров;
- оговорки, направленные на защиту внутринационального правового режима в отношении ряда случаев;
- территориальные оговорки, исключающие действие соглашения в отношении части своей территории.

Во-вторых, избрание гибкого подхода Венской конвенцией 1969 г. в отношении оговорок к договорам посредством ставки на самостоятельный и взаимный контроль государств, присоединившихся к договору за соблюдением условия допустимости оговорки в виде ее соответствия предмету и целям такого соглашения, на практике продемонстрировало свою неэффективность ввиду нежелания государств осуществлять подобный взаимоконтроль.

В-третьих, акты официального судебного (и квазисудебного) толкования оговорок к договорам в сфере прав человека, призванные преодолеть пробелы и устранить неопределенность норм Венской конвенции 1969 г. не отличаются единообразием, вызывая, в свою очередь, ситуацию правовой неопределенности в оценке допустимости и действительности целого ряда сделанных государствами оговорок.

Конкуренция практик толкования оговорок к международным договорам не способствует эффективности действия последних. Одновременно констатируется усиление роли международных судов в данных вопросах. Обращается внимание на тот факт, что так называемый «агрессивный» подход международных региональных судов по правам человека и ряда контрольных органов в системе Организации Объединенных Наций в толковании оговорок к договорам все еще не может пока вытеснить доминирующую в международной реальной практике

установку государств «больше заботиться о своем праве заявлять оговорки, нежели о своем праве контролировать оговорки, сделанные другими государствами». В целом неопределенность в отношении толкования и применения оговорок к договорам в большей степени удовлетворяет интересам государств, и в силу своего «эгоистического» подхода они не торопятся передать подобный контролирующий инструмент в сферу компетенции международных судов.

Подводя итоги рассмотрения проблемы толкования правовых оговорок на международном уровне, автор приходит к выводу о том, что договорные отношения равноправных государств требуют «гибких» решений в интерпретации как самих норм международного права, устанавливающих институт оговорок к договорам, так и конкретных оговорок в складывающейся международной договорной практике. Роль международных судебных и квазисудебных инстанций существенно усиливается в процессе толкования оговорок к международным договорам. В ходе процесса интерпретации судебные органы активно прибегают к таким способам толкования как систематический, историко-политический (или функциональный). Основные усилия международной судебной практики в сфере толкования оговорок направлены на развитие и конкретизацию норм международного права об институте допустимости и недействительности оговорок к договорам. Однако не смотря на существенные усилия по судебному толкованию оговорок в международном праве по-прежнему остается ситуация правовой неопределенности в отношении целого ряда оговорок, заявленных и заявляемых государствами в современной практике международного сотрудничества.

В **заключении** подводятся итоги диссертационного исследования, формулируются наиболее значимые выводы и предложения, а также определяются дальнейшие перспективы общетеоретического исследования вопросов понятия, природы, пределов законодательного установления и специфики толкования правовых оговорок.

По теме диссертации автором опубликованы следующие работы:

Статьи, опубликованные в ведущих рецензируемых научных журналах и изданиях, рекомендованных ВАК Министерства науки и высшего образования Российской Федерации:

1. *Кашанский, Р.С.* Юридическая природа оговорок и техника их толкования в правоприменительной деятельности [Текст] / Р.С. Кашанский // Правовая политика и правовая жизнь. Саратов-Москва: Саратовский филиал Института государства и права РАН, 2017. № 3. С. 133 – 139. (0,44 п.л.).
2. *Кашанский, Р.С.* Конкретизация как способ совершенствования правотворчества и правоприменения [Текст] / Р.С. Кашанский // Правовая политика и правовая жизнь. Саратов-Москва: Саратовский филиал Института государства и права РАН, 2018. № 1. С. 133 – 139. (0,35 п.л.).
3. *Кашанский, Р.С.* К вопросу о функциональной природе оговорок в праве [Текст] / Р.С. Кашанский // Вестник Костромского государственного университета. Кострома: Костромской государственный университет, 2018. Том 2. № 4 Октябрь – Декабрь. С. 256 – 261. (0,45 п.л.).
4. *Кашанский, Р.С.* Конкретизация права: от критики подходов к формированию позиции [Текст] / Р.С. Кашанский // Вестник Саратовской государственной юридической академии. Саратов: ФГБОУ ВО «СГЮА», 2019. № 6 (131). С. 40 – 47. (0,4 п.л.).
5. *Кашанский, Р.С.* Техника толкования оговорок в праве [Текст] / Р.С. Кашанский // Вестник Саратовской государственной юридической академии. Саратов: ФГБОУ ВО «СГЮА», 2021. № 1 (138). С. 50 – 55. (0,35 п.л.).

Статьи, опубликованные в иных научных изданиях:

6. *Кашанский, Р.С.* К вопросу о конкретизации нормативных правовых предписаний в правотворческой деятельности [Текст] / Р.С. Кашанский // Правотворческая политика. Ежегодник. Пятигорск: Пятигорский филиал Северокавказского федерального университета, 2018. Ежегодник № 6. С. 90–92 (0,35 п.л.)
7. *Кашанский Р.С.* К вопросу о способах толкования оговорок в праве [Текст] / Р.С. Кашанский / Право. Законодательство. Личность. Саратов: ФГБОУ ВО «СГЮА», 2019. № 2 С. 35 – 40. (0,4 п.л.).

Подписано в печать 20.04.2021. Формат 60х84¹/₁₆.
Гарнитура «Таймс». Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 2,0. Уч.-изд. л. 2,15. Тираж 120 экз. Заказ № 99.

